

Хорошилов Д.А. Язык и эстетика в социальном познании

ХОРОШИЛОВ Д.А. ЯЗЫК И ЭСТЕТИКА В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

English version: [Khoroshilov D.A. Language and aesthetics in social cognition](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Настоящая статья представляет собой опыт осмысления эпистемологического «кризиса репрезентации» социальных явлений в психологии. Новый язык психологии социального познания, который отображается в понятиях консенсуса, диалога, дискурса и нарратива, позволяет соотнести микро-уровень межличностных взаимодействий и коммуникаций и макро-уровень социальных представлений, характеризующих массовое сознание современного общества. Разработка этих понятий в соответствующих концепциях диалогической, дискурсивной и нарративной психологии становится основанием эстетической парадигмы исследований, которая предполагает: 1) сравнительный анализ художественных и научных репрезентаций психологических явлений; 2) поиск художественных форм академического письма; 3) использование эстетических категорий как объяснительных принципов в психологии. В заключении статьи делается вывод о том, что метаязык эстетики является адекватным для обсуждения проблем социального познания.

Ключевые слова: язык, дискурс, эстетика, социальное познание

Проблема языка репрезентации социальных явлений в психологии

Парижский «Салон Независимых» в 1912 г. открывался скандалом – организаторы были возмущены «Обнаженной, спускающейся по лестнице» М. Дюшана и потребовали убрать ее с выставки (годом позже картина снискала шумный успех в Нью-Йорке). Между тем «Обнаженная» стала настоящей революцией в истории искусства, ибо демонстрирует многомерность и стереоскопичность репрезентации движущегося объекта («женщины») в противоположность тотальности перспективы живописи Ренессанса, которая не допускает отклонения взгляда от задаваемого художником направления восприятия образа. А случай с художественными салонами вдохновил Дюшана на создание знаменитых реди-мейдов, разоблачавших мираж эстетических конвенций: если доверять суждениям арт-публики, то произведение искусства будет утверждаться безликим институциональным полем, как иронично замечает и сам Дюшан: «я запустил им в физиономию сушилку и писсуар – как провокацию, – а они восторгаются их эстетической красотой» [цит. по.: Серс, 2004].

Задолго до современной эпистемологии в искусстве раннего модернизма проявился *кризис репрезентации*, понимаемый как разрыв миметического подобия «реальности» и ее отображения в культурном артефакте [Шапинская, 2014]. Проблема репрезентации опыта в тексте наиболее четко артикулирована антропологами: знаменитый сборник статей «Сочиняя культуру: поэтика и политика этнографии» констатировал, что отныне «доминирующие метафоры в этнографии смешаются от наблюдающего глаза к выразительной речи (и жесту куляции)» [Clifford, 1986, с. 12]. Необходимым аспектом этнографических исследований стало считаться не просто изображение «объекта» в реалистических красках, а осмысление языка взаимоотношений между антропологом и

людьми в условиях полевой работы / антропологом и читателями, оценивающими прозрачность описания культурного опыта Другого в научном тексте [Маркус, 2012].

Кризис репрезентации в гуманитарных науках обернулся «языковым поворотом», чьи предпосылки и последствия неоднократно анализировались в литературе [Андреева, 2009; Бусыгина, 2010; Потапова, 2015]. Согласно Р.Харре, этот поворот – «вторая когнитивная революция» (после первой, осуществленной Дж. Брунером), утверждающая возможность исследования социального познания через анализ понятий естественного языка и разговорных практик, посредством которых люди наделяют значениями события повседневной жизни [Харре, 2011]. Цель настоящей статьи – показать, что методология социально-психологических исследований, опирающаяся на «лингвистические» принципы объяснения (диалога, дискурса и нарратива), в актуальной исторической ситуации вследствие сложности ее вербальной объективации требует пересмотра в рамках *эстетической парадигмы* (термин Т.Д.Марцинковской) – в ней открывается путь изучения социального познания через символический язык искусства.

Языковой поворот приводит нас к эпистемологической трактовке социального познания не как зеркального отражения внешнего мира, а функции социального порядка, воплощенного в языке; «то, что остается невыразимым в языке, необъективизированным в деятельности и общении, независимым от социального контекста, знанием не является» [Касавин, 2012, с. 61]. Фокус психологии социального познания – изучение *консенсуса*, в котором устанавливаются значения, «договоренности» о том, как следует типически интерпретировать социальные явления в повседневной жизни [Андреева, 2005, 2009]. Такая логика рассуждений, соответствующая запросам современной эпистемологии, позволяет преодолеть кризис репрезентации социальных явлений, рассматриваемых отныне в ракурсе языкового конструирования.

Г.М.Андреева, основываясь на работах Дж.Брунера, А.Р.Лурии и А.Я.Гуревича, выдвигает тезис о категориально-языковой природе социального познания. В отличие от животных человек обладает языковыми кодами для обозначения вещей и их отношений, что приводит к формированию «категориального сознания» [Лурия, 1998, с. 31]. Однако категории характеризуют не только уровень индивидуального, но и массового сознания – в обществе складывается определенная «модель мира», которой «человек руководствуется во всем своем поведении, с помощью составляющих ее категорий он отбирает импульсы и впечатления, идущие от внешнего мира, и преобразует их в данные своего внутреннего опыта» [Гуревич, 1972, с. 16]. Такой корпус социального разделяемых знаний образован языковыми категориями или *концептами* (термин, по-разному используемый в науке, – от С.А.Аскольдова-Алексеева и Д.С.Лихачева до Ж.Делеза и Ф.Гваттари). Концепт можно определить в роли мыслительной единицы, выражающей индивидуальный опыт носителя языка, «то, как преломляются различные значения слов в сознании пользователей языка в зависимости от их культурного бэкграунда» [Петровская, 2013, с. 108].

Начиная от признания тождества языка и «народного духа» в философском учении В.Гумбольдта до гипотезы лингвистической относительности Э.Сепира – Б.Уорфа, по сей день открыта проблема концептуализации лексикой и грамматикой различных языков той или иной картины мира. Несмотря на то что само понятие «языковой картины мира» преувеличивает единообразие и целостность одного и того же языка, фрагменты которого могут противоречить друг другу, гипотеза Сепира–Уорфа остается весьма влиятельной в современной лингвистике [Кронгауз, 2015]. Альтернативные понятия языкового сознания и образа мира, употребляемые в отечественной психолингвистике, раскрывают соотношение культурных значений и личностно-смысловых образований, воплощенных в вербальной форме: обыденное языковое сознание является одновременно и инвариантным образом мира конкретного поколения носителей культуры и языка [Уфимцева, 2016].

Одно из хрестоматийных исследований видения мира носителями русского языка принадлежит А.Вежбицкой, которая выделила в русском языке несколько устойчивых культурных тем: эмоциональность, иррациональность, неагентивность и любовь к морали [Вежбицкая, 2011];

см. также их переосмысление в социальной психологии: Стефаненко, 2014]. Более вольный в методологическом аспекте художественный анализ осуществлен В.Сорокиным, который собрал антологию русского рассказа XX века от Льва Толстого до Юлии Кисиной; главное отличие от литературы XIX столетия он находит в возвращении концепта *телесности* [Сорокин, 2005] (примечателен тот факт, что, по мнению Сорокина, объединяющим концептом для русской литературы от Гоголя и Чехова до Петрушевской и Пелевина является жестокость и насилие [Русский жестокий рассказ, 2014]).

А.А.Леонтьев, признавая существование «абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми» [Леонтьев, 2005, с. 273], считает необходимым дополнить их анализом ситуативного взаимодействия человека и окружения, что позволяет ему говорить о таких научных направлениях, как «психолингвистика событий» или «психолингвистика деятельностного взаимодействия». Вспоминается давняя дилемма социологии и социальной психологии, блестяще сформулированная И.А.Буниным в одной из дневниковых записей: «Вообще, как отделить реальное от того, что дает книга, театр, кинематограф? Очень многие живые участвовали в моей жизни и воздействовали на меня, вероятно, гораздо менее, чем герои Шекспира, Толстого. А в жизнь других входит Шерлок, в жизнь горничной – та, которую она видела в автомобиле на экране» [Бунин, 1988, с. 420–421]. Лишим рассуждение Бунина художественной прелести и переведем его на язык науки: возможно ли объединить микро- и макроуровни рассмотрения общества и показать двойственность процесса воспроизведения / изменения социального контекста в интерсубъективных, то есть социально разделяемых представлениях, которые формируются в межличностных коммуникациях и взаимодействиях [Lopes, Gaskell, 2015]?

Микро- и макроуровни социального познания теоретически объединяются с помощью взаимосвязанных понятий диалога, дискурса и нарратива. Начиная с Л.С.Выготского, М.М.Бахтина и Дж.Мида, трактовка познания как диалога эксплуатируется в разнообразных контекстах (когнитивной психологии, концепциях диалогического «я» и социальных представлений) для доказательства тезиса о единстве приватной и публичной сферы опыта: «интимные речевые выступления сплошь *диалогичны*, сплошь пронизаны оценками своего возможного слушателя, своей возможной аудитории, пусть даже хотя бы мысль об этом слушателе и не приходила в голову говорящего» [Бахтин, 2010, с. 192].

В когнитивной науке (М.Томаселло, Ч.Фернихоу) раскрывается диалогическая природа высших психических функций как основа развития социального познания в онтогенезе, при этом «социальное» относится к процессам межличностной коммуникации и понимания, вследствие чего современные авторы отдают предпочтение понятиям ментализации, теории психического или считывания психических состояний [Холмогорова, 2015].

Концепции диалогического «я» и идентичности (Дж.Шоттер, Г.Херманс, Е.Т.Соколова, Н.С.Бурлакова) – при далеко не всегда совпадающих теоретических предпосылках – утверждают взаимосвязь индивидуальных и общественных форм познания. Идентичность можно назвать «обществом в миниатюре», которое иерархически объединяет индивидуальные и коллективные смысловые позиции (воображаемые «голоса» значимых Других или общества в целом); последние из них являются *социальными представлениями*, включенными во внутренний диалог [Hermans, Salgado, 2010].

Исторические контексты осуществления диалога фиксируются с помощью понятия *дискурса*, сильно пострадавшего от моды. История дискурсивной психологии начинается с книги Дж.Поттера и М.Уэзерелл, постулировавшей «лингвистический» характер исследования социального познания через обращение к языковым практикам как формам действия, с помощью которых люди категоризируют, а значит и объясняют окружающий мир; для обозначения классификаций, упорядочивающих социальные явления в обыденном языке, используется понятие интерпретативного репертуара [Potter, Wetherell, 1987]. Метаанализ дискурс-аналитических исследований социального познания, проведенных в университете Лафборо за последние тридцать

лет (усилиями М.Биллига, Д.Эдвардса, тех же Поттера и Уэзерелл), дает возможность говорить о статусе дискурсивной психологии как «классики» социальной психологии [Tileaga, Stokoe, 2016]. Напомним, что дискурсивная психология изучает нормативный порядок повседневной жизни, задаваемый категориями житейского психологического языка, который относительно ментальных состояний рассматривается с перформативной точки зрения; ее истоки восходят к идеям Л.Витгенштейна, Дж.Остина, Г.Гарфинкеля и Л.С.Выготского (отечественными авторами основные принципы данной концепции были наиболее четко озвучены при обсуждении качественных исследований [Бусыгина, 2010; Мельникова и др., 2014]).

Впоследствии стало возможным говорить о двух традициях определения дискурса и соответствующих направлениях исследований: 1) дискурс (discourse с маленькой буквы) как реальная речевая коммуникация, активность пользования символическими ресурсами в конкретных ситуациях взаимодействия (перспектива Р.Харре и микро-дискурс-анализа); 2) Дискурс (Discourse с большой буквы) как система значений, конструирующая объекты социального мира и задающая неравноправные позиции говорящих в отношении доступа к практикам доминирования (перспектива М.Фуко и критического макро-дискурс-анализа).

Дискурс – это реализация диалогического взаимодействия в конкретном социальном контексте, «структура и процесс языкового творчества и познания мира человеком» [Плеханова, 2001, с. 61]. Такая двойственность интерпретации не случайна: дискурс является диалогически-языковой практикой, воспроизводящей и делегирующей говорящим intersubjectively разделяемые знания, права и обязанности в соответствии с теми или иными институциональными позициями, характеризующими не индивидуальные, а прежде всего социальные представления как формы обыденного познания общества и культуры. «Групповые структуры содержатся в имеющихся у нас культурных образах групп, а также в системах дискурса и институтах, которые определяют, кто мы есть и как нам следует понимать наши отношения с другими» [Паркер, 2013, с. 85].

Частный вариант дискурса – *нарратив* – применяется для характеристики социальной идентичности как символического «посредника» между личностью и обществом. Теоретические допущения нарративного подхода к идентичности анализировались за последнее время в нескольких литературных обзорах [Андреева, 2012; Белинская, 2015; Кроссли, 2013]. Идея заключается в том, что идентичность – это результат опосредования сознания рассказами (жизненными историями), которые раскрывают культурные конфигурации автобиографических и исторических событий во взаимодействии с другими людьми. Следует отметить, что нарративная (или повествовательная) идентичность всегда позиционируется в определенных дискурсах как культурно и идеологически заданных системах значений, поэтому-то дискурс и нарратив воплощаются в разных *жанрах* или коммуникативных ситуациях, которые описываются легко узнаваемой последовательностью действий (т.е. скриптом), особым речевым стилем и специализированным словарным запасом [Трейси, Роблз, 2015]. В обозначенном отношении нарратив произведен от дискурса.

Диалог, дискурс и нарратив можно назвать пространством «локализации» социальных представлений, объединяющих различные уровни социального познания в поиске ответа на вопрос о том, «как индивиды и группы выстраивают относительно стабильный и предсказуемый мир на основе разнообразных явлений» [Маркова, 2011, с. 401]. Дискуссии между сторонниками теорий социальных представлений и дискурсивной психологии [Емельянова, 2006] не закончились и сегодня: первые из них сталкиваются с проблемой включения языковой реальности в свои аналитические схемы, вторые нуждаются в объяснении происхождения культурно-языковых ресурсов, которые могут быть использованы в конкретной ситуации говорящими и пишущими акторами [Gibson, 2015].

Таким образом, социальная психология заимствует лингвистические объяснительные принципы диалога, дискурса и нарратива для осмысления двойственных процессов интернализации и конструирования социальных представлений (и задаваемых ими идентификационных позиций) в коммуникативных актах, что позволяет раскрыть соотношение двух микро- и макроуровней

социального познания, которые теоретически объединяются в пространстве языка (языкового сознания и образа мира, если уместно обратиться к терминологии отечественной психолингвистики). Языковая форма репрезентации социальных явлений сопоставима с эстетической в ракурсе «живописной образности, заложенной в иконизации естественно-языкового дискурса» [Фещенко, Коваль, 2014, с. 353]. Реалии, изучаемые социальной психологией, следует рассматривать в контексте современной культуры [Андреева, 2013] и, логически продолжая поздние размышления Г.М.Андреевой, искусства как «вторичного языка» культуры (согласно знаменитой формуле Ю.М.Лотмана). Подобный шаг от изучения социального познания сквозь призму языка к искусству реализуется в *эстетической парадигме*, которая исходит из следующих предположений.

Сравнительный анализ научных и художественных репрезентаций психологических явлений

В современные исследования социального познания возвращается старинная идея синхронного развития искусства и науки (восходящая к «Философии искусства» И.Тэна), что изменяет статус художественного произведения, которое отныне считается не просто «объектом» психологического анализа или иллюстрацией к теоретическим рассуждениям, но образно-символическим представлением реальности на равных со «строгой» манерой академического письма. Р.Арнхейм полагал, что «научные открытия имеют собственный стиль, часто сравнимый со стилем искусства данного периода» [Арнхейм, 2014, с. 62]. Это суждение можно считать основным допущением эстетической парадигмы в психологии. Коллективные переживания (термин Г.Шпета) исторических и общественных изменений «кристаллизуются» одновременно в художественных и научных формах познания; иными словами, в произведениях художников «отражаются современные для них научные концепции, а, наоборот, работы артистов помогают подтвердить научные данные» [Марцинковская, 2014].

Эстетика в этом парадигмальном контексте – не «философия искусства», а «способ мыслить, который проявляется по поводу предметов искусства и силится высказать, в чем они являются предметом мысли» [Рансьер, 2004, с. 12]. Эстетика становится метаязыком и универсальным режимом прочтения современности, и главный вопрос касается не столько соотношения науки и искусства, а того, в какой сфере – научной или художественной – сильнее присутствует эстетическое начало [Маньковская, 2009]. Парадоксальным образом «гуманитаристика превращается в арт-производство новейшего образца» [Бычков, 2012, с. 13], о чем свидетельствует, в частности, венецианская биеннале современного искусства 2013 г., где рисунки и тексты из «Красной книги» К.Г.Юнга помещались в центре основного проекта.

Итак, задача эстетико-психологических исследований – это сравнительный анализ художественных и научных репрезентаций социальных явлений, что, в свою очередь, дает право апеллировать к методологии исторической компаративистики для исполнения таких задач, как выявление интеллектуальных заимствований и влияний, «профилирование» или описание индивидуальных особенностей отдельных «случаев» в различных обществах и культурах, постановка новых проблем и перенос научного знания в иные познавательные контексты [Кромм, 2015]. Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывает сравнение способов объяснения социальных проблем в психологических теориях и экспериментах и современном искусстве. Поясним сказанное на следующем примере.

Проблема социального зла – сквозной сюжет экспериментов С.Милгрэма (1963 г.) и Ф.Зимбардо (1971 г.), а также перформанса М.Абрамович «Ритм Ноль» (1974 г.) – время их «постановок» совпадает. Нет нужды останавливаться на результатах скандально известных исследований (неоднократно обыгранных в кинематографе), а вот перформанс требует уточнения для читателя. Художница находилась в галерейной зале с множеством вещей – от ножниц до пистолета, аккуратно разложенных на столике, а «инструкция» при входе разрешала посетителям совершать любые действия над телом Абрамович. На шестой час действия она была физически изничтожена:

ее одежда – порвана, тело порезано и изрисовано. «После перформанса у меня поседела целая прядь на голове, я не могла долго избавиться от страха», – вспоминала художница.

Важно отметить, что речь ведется не о радикальном зле (в духе еретических учений манихейства и катаров), заключенном в неизменной природе человека, а о социальном и политическом, которое производно от структуры общества, следовательно, ему возможно положить этический предел [Каспэ, 2014]. Такой тезис согласуется с выводом Милгрэма, что «человеческий тип, которого воспитывает американское общество, не в состоянии обезопасить граждан от жестокого обращения со стороны бесчеловечного авторитета» [Милгрэм, 2016, с. 247]. Работы Милгрэма и Зимбардо пунктиром намечают дальнейший анализ дискурса, воспроизводимого в данной ситуации распределения позиций, то есть прав и обязанностей, мгновенно «считываемых» и разделяемых субъектами взаимодействия, превращая насилие в банальность повседневности (согласно устоявшейся метафоре Х.Арендт).

Экспериментальные и художественные манипуляции символическими границами, удивительно легко изменяющие мышление и поведение человека, обычно дискутируются с точки зрения соотношения личностных диспозиций и ситуации в объяснении природы зла (как «сущности» или «процесса») с «победой» именно фактора социального контекста – так, Зимбардо призывает нас «признать важность ситуационных и системных процессов, которые мы обычно недооцениваем, когда пытаемся объяснить отклоняющееся поведение и кажущиеся изменения личности» [Зимбардо, 2013, с. 630]. Перформанс оказывается феноменологически достовернее в изображении осязаемой болезненности взаимодействия между обоюдными жестокими участниками художественного зрелища. Тем самым проблема состоит не просто в признании контекстуальной обусловленности зла («воссоздаваемой» в экспериментально-ролевых ситуациях), но в разоблачении не поддающейся объективации иррациональности институционального поля музея, которое в иллюзорной нейтральности делает возможным асимметричное взаимодействие между художницей и зрителями. Как видно из краткого сравнительного анализа исследований Зимбардо, Милгрэма и Абрамович, эстетическое прочтение психологических реалий становится также специфическим способом их репрезентации, что кардинально изменяет академические практики письма и вносит в них отчетливый эссеистический момент.

Поиск художественных стилей психологического письма

Хотя уже А.Р.Лурия в автобиографии отмечал, что психология утратила искусство клинического наблюдения и описания, отличавшее работы великих врачей [Лурия, 2001], выдвигаемый им идеал единения «классической» и «романтической» науки реализуется и в современных исследованиях – так, метафорический язык художественной литературы гармонично сочетается с традиционной методологией клинко-психологического анализа онтогенеза и культургенеза представлений о пространстве и времени [Балашова, 2015]. По мнению признанного мастера научно-поэтического письма В.П.Зинченко, «взятые вместе – методология и искусство – помогают психологии достичь максимы, сформулированной М.К.Мамардашвили для философии: люди должны узнавать себя в мысли философов» [Зинченко, 2012, с. 63]. Работы В.П.Зинченко, А.Г.Асмолова в отечественной психологии используют элементы беллетристического и автобиографического жанра.

Обращение к художественной литературе, по-видимому, – частный случай поиска экспериментальных стратегий гуманитарного письма, вдохновленного движением социального конструкционизма [Улановский, 2006]. Традиционный «реалистический» стиль подразумевает, что авторская позиция в тексте всегда остается доминирующей, в то время как «модернистский» (художественный) стиль направлен на вовлечение читателя в процесс анализа [Орлова, 2010]. Наиболее интересный опыт анализа риторических традиций в психологии, которые наделяются привилегированным положением в научном дискурсе и задают определенные ожидания от своих читательских аудиторий, был предпринят К.Гергеном в статье «Кто говорит и кто отвечает в гуманитарных науках?» [Герген, 2003]. Он демонстрирует, что автобиографические и

беллетристические стратегии письма (а не безлично-авторитетные) предоставляют в распоряжение читателя культурные ресурсы для конструирования своего будущего (ср. с давно высказанной идеей А.Г.Асмолова: коль скоро психология – это деятельность по конструированию жизненных миров, то нет психологии вне искусства и нет искусства вне психологии [Асмолов, 1996]).

Научные тексты с элементами беллетристической / автобиографической структуры можно интерпретировать и в логике нарративной психологии – «научно-художественный» нарратив становится символическим средством выстраивания моста между личностными смыслами и культурными значениями, преодолевая в психологическом дискурсе различие индивидуального и социального [Турушева, 2016], ибо он «копирует автобиографичность социального» [Рогозин, 2015, с. 258] и дает шанс читателю «узнать себя», если воспользоваться приведенными выше словами М.К.Мамардашвили – В.П.Зинченко, в развиваемых автором концептуальных психологических рассуждениях и соотнести их с богатством собственного жизненного опыта.

Эстетические объяснительные принципы в социальной психологии

Третий и, пожалуй, наиболее интересный вектор эстетической парадигмы – заимствование объяснительных категорий эстетических учений для обсуждения теоретических проблем социального познания (дополнительно к ранее перечисленным лингвистическим принципам). Возникновение такого подхода предвидел уже С.Л.Рубинштейн, советовавший «изучение формирования сущего в искусстве употребить как средство для выявления формальной (онтологической) структуры сущего, его архитектоники» [Рубинштейн, 2010, с. 478]. Можно выделить по крайней мере два варианта использования эстетических категорий в социальной психологии.

Первый из них экстравагантно, на первый взгляд, объединяет дискурсивный подход к идеологии Л.Альтюссера и теорию эстетики И.Канта, определяя *феномен идеологии как эстетическое переживание* в категориях «прекрасное – безобразное», «высокое – низкое», то есть как разновидности субъективного опыта, «который одновременно является чувственным и культурно утонченным, непосредственно порождая чувство общности с другими людьми» [Мусихин, 2013, с. 43–44].

Второй эстетический принцип – мимесис («творческое подражание» как основной принцип созидания искусства и устройства социальной жизни, согласно Аристотелю) – используется в философских построениях В.Беньямина, Р.Жирара, В.А.Подороги. В антропологии мимесис – «способность переводить материальный внешний мир в образы и таким образом передавать его во внутренний образный мир человека и предоставлять в его распоряжение» [Вульф, 2008, с. 134]. Именно в такой трактовке мимесис используется в нарративной психологии и теории социальных представлений для объяснения динамики воспроизведения нечувственно данного опыта в пространстве языка и дискурса (идет ли речь о соотношении либо «реальных событий» и «жизненной истории», либо «реального мира» и «образа социального мира»). У.Флик с опорой на миметический принцип вводит механизм ретроспективной анкеровки – формирования социального представления через «схватывание» событий и символов исторического прошлого и его возвращения в познание настоящего [Flick, 1995, о мимесисе в психологии см. подробнее: Хорошилов, 2014]. Таким образом, можно предсказать дальнейшее развитие художественных принципов в психологических дискуссиях, теориях и практиках, однако пока уместнее говорить об отдельных научных иллюстрациях, в которых угадываются контуры становящейся эстетической парадигмы.

Итоговый вывод настоящей статьи парадоксален: эстетическая парадигма в исследованиях социального познания продолжает «языковой поворот» психологии и вместе с тем демонстрирует его ограниченность (ср. с предложенной выше интерпретацией перформанса Абрамович). Такой методологический подход, постулируя возможность исследования социального познания через

произведения искусства, творческого поиска художественных форм академического письма и объяснительных категорий в психологии, открывает перспективы осмысления общества и культуры вследствие того обстоятельства, что метаязык эстетики становится, по-видимому, важнейшим способом репрезентации современности, ибо пока не сложился новый бытовой и академический язык, адекватный для описания и объяснения происходящих радикальных социальных изменений и культурных сломов. Как тонко отмечает в своем эссе М.Степанова, «такое ощущение, что в оперативном словаре нету слов и конструкций, что позволили бы говорить о том, что происходит сегодня, не опираясь на сложное прошедшее, не применяя портативный цитатник» [Степанова, 2014]. Подобная картина наблюдается как в риторике отечественных СМИ (эмпирические данные – в ежедневных газетах), так и массовой культуре в целом с ее удивительной «ретро-манией» и переменчивой модой на прошедшие события при отсутствии созидания будущего [Рейнольдс, 2015]. Обращение ко «вторичному языку» искусства определяется сложностями вербализации, обыденного «проговаривания» или научного «разъяснения» актуальной исторической ситуации в традиционных психологических категориях. Принципиальная дискурсивная неподатливость современности оборачивается насущной необходимостью в семиотически гибком языке репрезентации социальных явлений, который зарождается в междисциплинарном диалоге психологии и эстетики.

Литература

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. Психологические исследования, 2013, 6(30), 2. <http://psystudy.ru>

Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: Поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009.

Арнхейм Р. [Arnheim R.] В параболах солнечного света: Заметки об искусстве, психологии и прочем. М.: Алетейя, 2014.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., Воронеж: Институт практической психологии, МОДЭК, 1996.

Балашова Е.Ю. Клиническая психология в поисках смысла пространственных и временных трансформаций: Синтез исследовательских парадигм. Психологические исследования, 2015, 8(42), 4. <http://psystudy.ru>

Бахтин М.М. Антропологистика. М.: Лабиринт, 2010.

Белинская Е.П. Изменчивость Я: Кризис идентичности или кризис знания о ней? Психологические исследования, 2015, 8(40), 12. <http://psystudy.ru>

Бунин И.А. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1988. Т. 6.

Бусыгина Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания. Консультативная психология и психотерапия, 2010, №. 1, 55–82.

Бычков В.В. Эстетика. М.: КНОРУС, 2012.

Вежбицкая А. [Wierzbicka A.] Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.

Вульф К. [Wulf C.] Антропология: История, культура, философия. СПб.: С.-Петербург. гос. университет, 2008.

Герген К. (Джерджен К.) [Gergen K.] Социальный конструкционизм: Знание и практика. Минск: БГУ, 2003.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.

Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2006.

Зимбардо Ф. [Zimbardo P.] Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

Зинченко В.П. О методологической культуре психологов (от монизма к плюрализму). Культурно-историческая психология, 2012, №. 1, 59–68.

Касавин И.Т. Критерии знания: собственно эпистемические или социальные? В кн.: Эпистемология: Перспективы развития. М.: Канон+, 2012. С. 50–61.

Каспэ С.И. Определяя политическое зло. Полития, 2014, 3(74), 6–29.

Кронгауз М.А. Слово за слово: О языке и не только. М.: ДЕЛО, РАНХиГС, 2015.

Кроссли М. [Crossley M.] Нарративная психология: Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. Харьков: Гуманитарный центр, 2013.

Кромм М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, Академия, 2005.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М.: Московский университет, 2001.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Московский университет, 1998.

Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2009.

Маркова И. [Marková I.] Представления как субъект-объектные отношения. В кн.: Философско-психологическое наследие С.Л.Рубинштейна. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 399–404.

Маркус Дж. [Marcus G.] О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах. В кн.: Антропологические традиции: Стили, стереотипы, парадигмы. М.: НЛО, 2012. С. 48–67.

Марцинковская Т.Д. Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии. Психологические исследования, 2014, 7(37), 12. <http://psystudy.ru>

Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии: Часть 2. Психологические исследования, 2014, 7(33), 4. <http://psystudy.ru>

Милгрэм С. [Milgram S.] Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

- Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М.: Высшая школа экономики, 2013.
- Орлова Э.А. История антропологических учений. М.: Академический проект, 2010.
- Паркер Я. [Parker I.] Психоаналитическая культура: Психоаналитический дискурс в западном обществе. Ижевск: ERGO, 2013.
- Петровская Е. Казусы транслитерации: Концепт по заявкам. Диалог искусств, 2013, No. 5, 108–109.
- Плеханова Т.Ф. Дискурс-анализ текста. Минск: ТетраСистемс, 2011.
- Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Европейский университет, 2015.
- Рансьер Ж. [Rancière J.] Эстетическое бессознательное. СПб.: Machina, 2004.
- Рейнольдс С. [Reynolds S.] Ретромания: Поп-культура в плену собственного прошлого. М.: Белое яблоко, 2015.
- Рогозин Д.М. Как работает автоэтнография? Социологическое обозрение, 2015, 1(74), 224–273.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2010.
- Русский жестокий рассказ. М.: АСТ, CORPUS, 2014.
- Серс Ф. [Sers P.] Тоталитаризм и авангард: В преддверии запредельного. М.: Прогресс-традиция, 2004.
- Сорокин В. От составителя. В кн.: Русский рассказ XX века. М.: Захаров, 2005. С. 5–8.
- Степанова М. Позавчера сегодня. Коммерсантъ Weekend, 2014, No. 32, 14.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Трейси К., Роблз Дж.С. [Tracy K., Robles J.S.] Повседневный разговор: Строение и отражение идентичности. Харьков: Гуманитарный центр, 2015.
- Турушева Ю.Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии. Культурно-историческая психология, 12(2), 2016, 24–32.
- Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии. Вопросы психологии, No. 3, 2006, 27–37.
- Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования. Вопросы психолингвистики, 2016, 1(27), 238–249.
- Харре Р. [Harré R.] Философия сознания. В кн.: Энциклопедический словарь по эпистемологии. М.: Альфа-М, 2011. С. 400–413.
- Холмогорова А.Б. Роль идей Л.С.Выготского для становления парадигмы социального познания в современной психологии: обзор зарубежных исследований и обсуждение перспектив. Культурно-историческая психология, 2015, 11(3), 25–43.
- Хорошилов Д.А. Мимесис как объяснительный принцип в психологии и эстетике. Психологические исследования, 2014, 7(36), 4. <http://psystudy.ru>

Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Шапинская Е.Н. Избранные работы по философии культуры. М.: Согласие, Артем, 2014.

Clifford J. Introduction: Partial Truth. In: J. Clifford, G.E. Marcus (Eds.), *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. London: University of California Press, 1986. pp. 1–26.

Flick U. Social representations. In: J.A. Smith, R. Harré, L. van Langenhove (Eds.), *Rethinking psychology*. London: Sage, 1995. pp. 70–96.

Gibson S. From representations to representing: on social representations and discursive-rhetorical psychology. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.), *The Cambridge handbook of social representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. pp. 210–223.

Hermans H.J.M., Salgado J. The dialogical self as minisociety. In: S.R. Kirschner, J. Martin (Eds.), *The sociocultural turn in psychology: The contextual emergence of mind and self*. New York: Columbia University Press, 2010. pp. 183–204.

Lopes C.A., Gaskell G. Social representations and societal psychology. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.), *The Cambridge handbook of social representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. pp. 29–42.

Potter J., Wetherell M. *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. London: Sage, 1987.

Tileaga C., Stokoe E. Introduction. In: C. Tileaga, E. Stokoe (Eds.), *Discursive psychology: Classic and contemporary issues*. New York: Routledge, 2016. pp. 1–11.

Поступила в редакцию 11 мая 2016 г. Дата публикации: 24 августа 2016 г.

[Сведения об авторе](#)

Хорошилов Дмитрий Александрович. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: kcp@psy.msu.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Хорошилов Д.А. Язык и эстетика в социальном познании. *Психологические исследования*, 2016, 9(48), 8. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Хорошилов Д.А. Язык и эстетика в социальном познании // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9, № 48. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1310-khoroshilov48.html>

